

В зале суда голос раздался вновь, эхом прокатившись по напряженной тишине: — Сириус Орион Блэк, вы были хранителем секрета Лили и Джеймса Поттеров?— Нет, я не был хранителем их секрета... — Сириус ответил спокойным, словно высеченным из камня, голосом. — Им был Питер Петтигрю. Я должен был стать хранителем, но убедил их выбрать Питера. Я был слишком очевидным выбором, Волан-де-Морт догадался бы. Считал, что это идеальный план... блеф... Волан-де-Морт следил бы за мной, в голову бы ему не пришло использовать Питера. Вокруг Гарри шепот волн вздымался, затихая и вновь накатывая. Некоторые кивали, другие хмурились, качая головами.— Вы убили тех маглов и Питера Петтигрю? — снова раздался голос.— Нет, не я, а Питер Петтигрю, — Сириус ответил тем же ровным тоном, словно проговаривая строки из заученного текста.— Можете ли вы рассказать суду, что произошло в тот день и как были убиты маглы? — голос звучал бесстрастно, словно машина, работающая по заданному алгоритму. Сириус глубоко вздохнул, словно собираясь с силами, и начал говорить тем же ровным тоном: — В ту ночь, когда погибли Лили и Джеймс, я решил проведать Питера, убедиться, что он в безопасности. Но когда я добрался до его убежища, его не было. Никаких следов борьбы. Это было не так. Мне стало страшно. Я отправился к Поттерам. Увидев разрушенный дом, их тела... я понял, что Питер сделал... После этого открытия я отправился за ним. Нашел его на одной из улиц, кричал за предательство наших друзей. Он только рассмеялся, отрезал себе палец, устроил взрыв, который убил тех маглов. Перед тем, как сбежать, он крикнул, что я убил Поттеров, превратился в крысу и скрылся в канализации. Питер — анимаг, его анимагическая форма — крыса... Как только Сириус закончил, по залу суда прокатился шепот, словно волна недоверия или, может быть, нежелания верить услышанному.— Молчать! — голос раздался вновь, на этот раз с оттенком нетерпения и даже раздражения. — Как мы видим из сегодняшних показаний, Сириус Блэк невиновен во всех предъявленных ему обвинениях. Кто за то, чтобы снять все обвинения с обвиняемого? Руки поднялись, многие... больше половины! Гарри, задыхаясь от волнения, пытался сосчитать, но не успел.— Все, кто за то, чтобы отправить обвиняемого обратно в Азкабан? — голос прозвучал громко и отчетливо. Только два или три человека подняли руки. Гарри вздохнул с облегчением, когда голос продолжил: — Очень хорошо. С Сириуса Ориона Блэка снимаются все обвинения. От имени Министерства магии выражаем сожаление по поводу возникшего недоразумения и выплатим вам огромную компенсацию за все лишения и страдания, через которые вы прошли за последние годы. Цепи, сковывавшие Сириуса, распались. Гарри почувствовал, как на глаза навернулись слезы. Он смотрел, как его крестный поднимается на ноги, слегка пошатываясь, с улыбкой на губах.— Спасибо, — прошептал Гарри, обнимая мадам Боунс, которая первой бросилась к Сириусу.— Нет, это все твоя заслуга, Гарри, ты должен гордиться собой, — сказала мадам Боунс, обнимая ребенка. — Пойдем, познакомимся с твоим крестным отцом. Гарри последовал за мадам Боунс, сердце бешено колотилось в груди. Он нервничал, был взволнован. Наконец-то он собирался встретиться со своим крестным, единственной настоящей семьей, которая у него осталась.— Поздравляю вас со свободой, мистер Блэк, — сказала мадам Боунс, легонько потрепав Сириуса по плечу.— Спасибо, и я слышал, что вы имеете к этому какое-то отношение, — ответил Сириус, но в его глазах все еще читалась настороженность. — Вообще-то я не должен ставить себе в заслугу то, что вас освободили, это все дело рук Гарри.— Гарри? — Сириус повторил, словно не веря своим ушам. — Да, Гарри Поттер, ваш крестник... Хотите с ним познакомиться? Он здесь? Прямо сейчас? С вами? Сириус не дал женщине ответить, задавая вопросы один за другим. Он, наконец, собирался встретиться со своим крестником, последним связующим звеном между ним и его лучшими друзьями.— Он здесь, — ответила мадам Боунс. Из-за ее спины появился маленький ребенок. Он был одет в дорогие темно-зеленые одежды, с копной непокорных темных волос. Его острые умные глаза были самого яркого зеленого оттенка, который Сириус когда-либо видел. Не обращая внимания на окружающих, он сделал шаг к ребенку, но остановился, чтобы не испугать ее. Но не успел он произнести ни слова, как ребенок, до этого смотревший на него с холодной настороженностью, шагнул вперед и крепко обнял его

худенькими ручками. Гарри вздохнул с облегчением и обнял своего крестного в ответ, так же крепко, но осторожно, чтобы не задушить его. Гарри был счастлив. Наконец-то он обрел семью. Сириус жил с ним в Годриковой впадине уже почти неделю, и все было так хорошо, как только могло быть. Хотя Сириус все еще выглядел истощенным, он начал набирать вес, а его щеки вновь приобрели цвет. Как только они вернулись домой после суда, Сириус попросил рассказать ему о своей жизни в доме Дурслей, и как только он закончил, его крестный встал и гневно пригрозил, что выведет их на чистую воду, проклиная при этом Дамблдора. Но как бы он ни был тронут этим жестом, ему не было дела ни до Дурслей, ни до Дамблдора — у него вернулся крестный отец, и теперь у него есть семья, а это все, что его волновало. После возвращения Сириуса он начал строить планы по их переезду в один из замков, принадлежащих Гарри, считая, что там будет гораздо безопаснее, чем в Годриковой впадине. Сейчас Гарри был дома один, Сириус, будучи единственным выжившим членом семьи, отправился на Косой Переулок по семейным делам в Гринготтс. Через час Сириус появился в дверях и впустил его, так как они договорились оставить защитные чары, наложенные Гарри на дом, в прежнем виде. — Привет, Гарри... Я кое-что тебе принес, — взволнованно сказал крестный, когда он вошел в дом и бросил плащ на кресло в гостиной. Гарри, который никогда не получал подарков, кроме тех, что он покупал сам, был очень взволнован. Ему было совершенно безразлично, большой он или маленький. — Что это? — спросил он, когда крестный протянул ему длинный, тонкий пакет, перевязанный лентой. — Почему бы тебе самому не открыть и не посмотреть? — ответил крестный, смеясь над детским энтузиазмом и с волнением, граничащим с легкой нервозностью, наблюдая, как ребенок с безудержным ликованием разрывает посылку. Из пакета на пол выкатилась метла. — Ух ты! — выдохнул он, разглядывая ее. — Она называется «Нимбус две тысячи»... это последняя модель, — неуверенно произнес Сириус, не зная, доволен ли ребенок, который все еще изумленно смотрел на метлу. Отрыв взгляд от волшебного предмета, мальчик слегка прочистил горло, чтобы избавиться от застрявшего там комка, а затем поднял глаза на крестного: — Спасибо, мне нравится. Сириус выдохнул, не понимая, что задерживает дыхание. — Правда? Потому что я всегда могу забрать ее обратно и купить тебе что-нибудь другое, — поспешно сказал он.